

18+

СИЛЬВИЯ ПЛАТ

ПОД
СТЕКЛЯННЫМ
КОЛПАКОМ

Настоящая сенсация!

Сильвия Плат

Под стеклянным колпаком

«АСТ»

1963

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Плат С.

Под стеклянным колпаком / С. Плат — «АСТ»,
1963 — (Настоящая сенсация!)

ISBN 978-5-17-098167-0

Эстер Гринвуд получает возможность стажироваться в модном женском журнале в Нью-Йорке. Она уверена: ей под силу покорить этот город и осуществить свою заветную мечту – стать писательницей. Но за красивым фасадом – показы мод, коктейльные вечеринки, знакомства с интересными людьми – скрываются равнодушие окружающих и проблемы новой, «взрослой», жизни. И очень скоро Эстер понимает, что начинает терять контроль над собой, все больше погружаясь в одиночество и депрессию...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-098167-0

© Плат С., 1963
© АСТ, 1963

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	25
Глава пятая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сильвия Плат

Под стеклянным колпаком

Sylvia Plath
THE BELL JAR

Печатается с разрешения издательства Faber and Faber Limited и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Серия «Настоящая сенсация!»

© Sylvia Plath, 1963

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Посвящается Элизабет и Дэвиду

Глава первая

Стояло какое-то безумное, удушливое лето, то самое лето, когда на электрическом стуле казнили чету Розенбергов, и я не вполне понимала, что делаю в Нью-Йорке. Я странно отношусь к казням. Меня тошнит от одной мысли об электроэкекуции, а все газеты только об этом и писали: крупные заголовки, словно выпученные глаза, таращились на меня на каждом углу и у каждого входа в метро, затхло вонявшего орехами. Это не имело ко мне никакого отношения, однако меня навязчиво преследовала мысль о том, что значит быть сожженным заживо.

Мне казалось, что это, наверное, худшее, что может произойти в этом мире.

Нью-Йорк оказался далеко не подарком. К девяти утра неправдоподобная, деревенская с росинкой свежесть, непонятно как проникшая в город за ночь, испарялась, словно остатки дивного сна. Призрачно-серые на дне своих гранитных ущелий, раскаленные улицы плыли в солнечном мареве, крыши автомобилей сверкали, испуская жар, и мельчайшая сухая пыль лезла мне в глаза и горло.

Я постоянно слышала о Розенбергах и по радио, и в офисе, пока они не стали неотступно преследовать меня. Это походило на то, как я впервые в жизни увидела труп. Потом в течение нескольких недель голова трупа – или то, что от нее осталось, – всплывала передо мной за завтраком, когда я ела яичницу с ветчиной, и за лицом Бадди Уилларда, ведь именно он устроил мне это представление. Очень скоро мне стало мерещиться, что я таскаю с собой на веревочке голову трупа, словно какой-то черный, безносый воздушный шарик, воняющий уксусом.

Я чувствовала, что тем летом со мной было что-то не так, потому что я только и думала, что о Розенбергах, да еще о том, как же я сглупила, купив всех этих неудобных, дорогих нарядов, уныло висевших у меня в шкафу, как рыба на завялке. И о том, как все маленькие успехи, которых я с радостью добивалась в колледже, с шипением лопнули у помпезных фасадов Мэдисон-авеню из полированного мрамора и сверкающего стекла.

А ведь я должна была наслаждаться жизнью.

А ведь я должна была стать предметом зависти тысяч других студенток колледжей вроде меня по всей Америке, которые не хотели ничего, кроме как фланировать в таких же лакированных кожаных туфлях тридцать седьмого размера, которые я как-то в обед купила в магазине «Блумингдейл» в комплекте с черным лакированным кожаным поясом и черной лакированной кожаной сумочкой. А когда моя фотография появилась в журнале, где работали мы, двенадцать девчонок, все решили бы, что я окунулась в вихрь наслаждений. Ведь на фото я потягивала мартини в глубоко декольтированном платье, лиф которого из искусственной парчи переходил в пышные облака белого тюля, сидя в одном из фешенебельных баров в компании похожих друг на друга молодых людей с лицами стопроцентных американцев, которых то ли наняли, то ли где-то одолжили для фотосессии.

Вот смотрите, как все может повернуться в нашей стране, сказали бы они. Целых девятнадцать лет живет себе девушка в заштатном городишке, и денег у нее не хватает даже на то, чтобы журнал купить. А потом вдруг получает стипендию для учебы в колледже, получает призы то тут, то там, и вот уже она управляет Нью-Йорком, как своим собственным лимузином.

Вот только я ничем не управляла, даже собой. Я просто носилась из отеля на работу, потом на вечеринки, а оттуда в отель и снова на работу, словно одуревший троллейбус. Кажется, мне надо было пребывать в радостном возбуждении, как большинству моих коллег-подруг, но я не могла заставить себя хоть как-то реагировать. Я чувствовала себя неподвижной и опустошенной, словно глаз торнадо, который понуро движется вперед посреди окружающего его неистовства стихии.

В отеле нас было двенадцать девушек. Мы все выиграли конкурс журнала мод, написав очерки, рассказы, стихи и рекламные тексты, а в качестве приза получили месячную стажировку в Нью-Йорке с полным пансионом и кучей разных бонусов вроде билетов на балет, пропусков на показы мод, купонов на стрижку и прическу в знаменитом дорогом салоне, а также возможности познакомиться с людьми, добившимися успеха на интересующем нас поприще, и получать советы по улучшению собственной внешности.

У меня до сих пор сохранился подаренный мне набор косметики, предназначенный для девушки с карими глазами и каштановыми волосами. Тюбик коричневой туши с крохотной кисточкой, круглая баночка голубых теней для век такого размера, что туда помещался лишь самый кончик пальца, и три вида губной помады – от красной до розовой. Все это в позолоченной коробочке с зеркальцем внутри. Еще у меня остался белый пластиковый футляр для темных очков, украшенный цветными раковинами, блестками и пришитой сверху зеленой пластиковой морской звездой.

Я понимала, что эти подарки представляли собой бесплатную рекламу фирм-спонсоров, но не могла относиться к ним цинично. Мне так нравилось получать все эти вещицы, дождем обрушившиеся на нас. Потом я довольно долго прятала их, но спустя некоторое время, когда снова пришла в себя, вытащила их, и они до сих пор лежат у меня по всему дому. Иногда я пользуюсь помадой, а на прошлой неделе срезала с футляра для очков пластиковую морскую звезду и отдала ее ребенку.

Итак, в отеле жили двенадцать девушек, мы обитали в одном крыле, на одном этаже, в одинаковых номерах на одного человека, расположенных друг за другом вдоль коридора, и все это напоминало наше общежитие в колледже. Это не было отелем в полном смысле слова, где на одном этаже попеременно живут мужчины и женщины.

Отель под названием «Амазон» предназначался только для женщин, и обитали в нем по большей части мои ровесницы, дочери богатых родителей, желавших быть уверенными в том, что их девочки будут жить там, где мужчины не смогут добраться до них и соблазнить. Все они собирались учиться на элитных курсах секретарш, вроде школы Кэти Гиббс, где на занятия надо являться в шляпках, чулках и перчатках. Или же только что окончили такие элитные курсы и работали секретаршами у больших начальников, вращаясь в нью-йоркском «свете» в ожидании того, что выйдут замуж за какого-нибудь из многообещающих молодых людей.

Все эти девушки казались мне ужасно скучными. Я видела их в солярии на крыше, где они зевали, красили ногти, старались поддержать свой бермудский загар и жутко скучали. Я разговорилась с одной из них – ей тоже надоели яхты, полеты на частных самолетах, катание на лыжах на Рождество в Швейцарии и ухажеры из Бразилии.

От таких девиц меня просто тошнит. Я так им завидую, что лишаюсь дара речи. Мне девятнадцать лет, и все эти годы я просидела в Новой Англии, не считая этой поездки в Нью-Йорк. Это был мой первый крупный шанс, но я просто сидела и упускала его, а он утекал у меня между пальцев, как вода.

Мне кажется, одной из причин моих неприятностей была Дорин.

Раньше я никогда не встречала девушек вроде нее. Дорин приехала из элитного женского колледжа где-то на Юге. Она была яркой блондинкой с пышными, словно сахарная вата, волосами, голубыми глазами, похожими на прозрачные агаты – твердые и блестящие, и постоянной усмешкой на губах. Не презрительной, а скорее веселой и загадочной, словно все люди вокруг нее не блещут умом, и она могла бы с удовольствием подшутить над ними, если бы захотела.

Дорин сразу выделила меня среди других девушек. Это заставило меня почувствовать себя гораздо умнее остальных, а она действительно была на удивление забавна. Во время занятий она всегда подсаживалась ко мне, а когда мы встречались со знаменитостями, вполголоса шептала мне на ухо едкие саркастические замечания.

Она рассказывала, что у них в колледже моде уделяется пристальное внимание, что у всех девушек сумочки были из того же материала, что и платья, так что всякий раз, когда они переодевались, полагалось менять и сумочку. Эти подробности произвели на меня яркое впечатление. Они намекали на великолепный, изысканный декаданс, к которому меня всегда тянуло словно магнитом.

Единственное, из-за чего Дорин постоянно надо мной подтрунивала, – это из-за моего стремления всегда выполнить задание в срок.

– И чего ради ты надрываешься? – удивлялась она, развалившись на моей кровати в шелковом халате персикового цвета и подравнивая пилочкой длинные, желтые от табака ногти, пока я печатала на машинке черновик интервью с модным писателем.

И еще одно: все мы облачались в накрахмаленные хлопчатые ночные рубашки и стеганые халаты или иногда в махровые купальные халаты, которые могли сойти за пляжные. Но Дорин носила длинные, до пят, нейлоновые кружевные полупрозрачные халатики или же халаты телесного цвета, которые облегали ее, словно наэлектризованные. От нее исходил своеобразный, слегка отдающий потом аромат, напоминавший мне пряный запах сломанных и растертых между пальцами разлапистых листьев папоротника.

– Ты же знаешь, что старухе Джей Си совершенно наплевать, появится эта статья завтра или в понедельник. – Дорин закурила сигарету и выпустила дым через ноздри, отчего ее глаза заволокло легким туманом. – Эта Джей Си страшна, как смертный грех, – спокойно продолжала Дорин. – Бьюсь об заклад, что ее старикашка-муж выключает весь свет, прежде чем подойти к ней, иначе сблует.

Джей Си была моей начальницей, и она мне очень нравилась, несмотря на всю болтовню Дорин. Она не относилась к болтушкам из редакций журналов мод с накладными ресницами, увешанных драгоценностями. У Джей Си голова была на месте, так что ее малопривлекательная внешность, похоже, не имела никакого значения. Она владела двумя языками и знала всех стоящих авторов, пишущих о моде.

Я пыталась представить себе Джей Си без строгого офисного костюма и официальной шляпки в постели с ее толстяком-мужем и просто не смогла этого сделать. Мне всегда было ужасно трудно представить себе людей, лежащих в одной постели.

Джей Си хотела меня чему-то научить. Все пожилые дамы, которые мне встречались, хотели меня чему-то научить, но мне вдруг начинало казаться, что им нечему меня научить. Я приладила крышку на пишущую машинку и защелкнула ее.

– Умница, – расплылась в улыбке Дорин.

Кто-то постучал в дверь.

– Кто там? – встать я не удосужилась.

– Это я, Бетси. На вечеринку идешь?

– Вроде иду. – К двери я так и не подошла.

Бетси привезли прямоком из Канзаса с озорным белокурым хвостиком и улыбкой «возлюбленная отличника». Помню, как однажды нас с ней пригласили в офис выбритого до синевы телепродюсера, одетого в дорогой костюм, чтобы тот посмотрел, есть ли в нас что-нибудь такое, включая формы, что он мог бы использовать в программе. И тут Бетси начала рассказывать о Канзасе, о мужских и женских растениях кукурузы. Она так разошлась, повествуя об этой чертовой кукурузе, что даже у продюсера на глазах выступили слезы, вот только пользы, к сожалению, от этих слез не было никакой, как он сам сказал.

Чуть позже редактор журнала «Бьюти» уговорил Бетси изменить прическу и поместил ее фото на обложку. Я до сих пор время от времени вижу, как она проплывает мимо, улыбаясь с плакатов, рекламирующих женскую одежду.

Бетси всегда зазывала меня в компанию к себе и другим девушкам, словно стараясь каким-то образом меня спасти. Дорин она никогда не звала. За глаза Дорин называла ее скотницей-оптимисткой.

– Хочешь поехать с нами в такси? – спросила Бетси из-за двери.

Дорин покачала головой.

– Не волнуйся, Бетси, – ответила я. – Я поеду с Дорин.

Я слышала, как она шлепает по коридору от моей двери.

– Поедем, побудем там, пока нам не надоест, – сказала мне Дорин, туша сигарету о подставку моей прикроватной лампы, – а потом отправимся зажигать в город. Все эти вечеринки, которые тут для нас устраивают, напоминают мне старомодные танцы в спортзале. И почему нам всегда достаются парни из Йеля? Они же такие тупы-ы-ые!

Бадди Уиллард отправился в Йель, но теперь, задумавшись, что же в нем не так, я поняла, что он оказался тупицей. Ну да, ему удавалось получать хорошие оценки, и у него случился роман с какой-то жуткой официанткой по имени Глэдис, но интуиции в нем не было ни на йоту. А вот Дорин интуицией обладала. Все, что она говорила, звучало подобно тайному голосу, вещавшему прямо изнутри меня.

Мы попали в пробку. Это было как раз то время, когда все спешили в увеселительные заведения. Наше такси оказалось зажатым между машиной, в которой ехала Бетси, и авто с четырьмя другими девушками. Движение встало.

Дорин выглядела потрясающе. На ней было белое кружевное платье без бретелек, застегнутое на молнию поверх плотно облегающего корсета, который подчеркивал ее округлые формы, а кожа отливала блестящим бронзовым загаром под слоем прозрачного талька.

Я была в узком черном платье из чесучи, обошедшемся мне в сорок долларов, одной из тех вещей, которые я купила на часть своей стипендии во время лихорадочной беготни по магазинам, когда узнала, что принадлежу к числу счастливиц, отправляющихся в Нью-Йорк. Оно было какого-то странного покроя, и под него я не могла надеть лифчик. Но это не имело особого значения, поскольку фигурой я вышла тощая, как мальчишка-подросток, да к тому же плоскогрудая, и в жаркие летние вечера чувствовала себя почти голой.

В городе с меня слез почти весь мой загар. Я сделалась желтой, словно китаянка. В другой ситуации я бы нервничала из-за своего платья и необычного цвета кожи, но, сидя рядом с Дорин, забыла о своих переживаниях. Я чувствовала себя чертовски искушенной и циничной.

Когда мужчина в синей рубашке с накладными карманами, черных твиловых брюках и кожаных ковбойских сапогах со скошенными каблуками начал медленно приближаться к нам из-под полосатого навеса бара, откуда он рассматривал наше такси, я не тешила себя никакими иллюзиями. Я прекрасно понимала, что его зацепила Дорин. Он ловко проскользнул между стоявшими машинами и непринужденно облокотился о край нашего открытого окна.

– А что, позвольте спросить, такие очаровательные девушки, как вы, делают одни в такси в такой дивный вечер? – Он улыбнулся широкой белозубой улыбкой, как на рекламе зубной пасты.

– Мы едем на вечеринку, – буркнула я, поскольку Дорин вдруг онемела, как столб, и принялась с томной рассеянностью поигрывать своей белой кружевной сумочкой.

– Какая скуотища, – отозвался мужчина. – Отчего бы нам с вами не пропустить стаканчик-другой вон в том баре? А мои друзья составят нам компанию. – Он кивнул в сторону нескольких нарочито небрежно одетых мужчин, с ленивым видом стоявших под навесом.

Они внимательно наблюдали за ним и, когда он оглянулся в их сторону, дружно рассмеялись.

Мне следовало бы насторожиться, услышав этот негромкий смех тертых калачей, но тут впереди обозначились признаки какого-то движения, и я поняла: если продолжу сидеть тихо,

то через пару секунд пожалею об упущенном шансе увидеть в Нью-Йорке что-то кроме того, что так тщательно отбирала для нас редакция журнала.

– Ну, что скажешь, Дорин? – спросила я.

– Что скажешь, Дорин? – отозвался мужчина, широко улыбаясь.

До сих пор не могу припомнить, как он выглядел, когда не улыбался. По-моему, он улыбался везде и всегда. Наверное, это стало частью его облика.

– Ну, хорошо, ладно, – согласилась Дорин.

Я открыла дверь, и мы вышли из такси, которое медленно поползло вперед, и направились к бару.

Раздался жуткий визг тормозов, за которым последовал глухой удар.

– Эй, вы! – Наш таксист высунулся из окна и повернул к нам пунцовое от ярости лицо. – Вы чего это тут устраиваете?

Он так резко остановил машину, что ехавшее следом такси смачно впечаталось в него, и мы видели, как находившиеся в нем четыре девушки размахивали руками, цепляясь за что попало и пытаясь подняться с пола.

Мужчина рассмеялся и, оставив нас стоять на тротуаре, вернулся и посреди оглушительного гудения клаксонов и каких-то криков вручил водителю купюру. А потом мы увидели, как девушки из журнала уехали в следовавших одно за другим такси, словно свадебная кавалькада, состоящая из одних только невест.

– Пошли, Фрэнки, – бросил мужчина одному из своих друзей, и небольшого роста крепыш отделился от стоявшей у бара группки и зашел с нами внутрь.

Он оказался из тех, кого я не выношу. Рост у меня метр семьдесят пять без каблучков, и когда рядом оказываются низкорослые мужчины, я сутулюсь, переваливаюсь из стороны в сторону, стараясь казаться ниже, и чувствую себя неуклюжей и застенчивой, словно разыгрываю интермедию.

Примерно минуту я вопреки всему надеялась, что мы разделимся в соответствии с ростом и тогда я окажусь в паре с мужчиной, который с нами заговорил. С виду в нем было метр восемьдесят, но он явно нацелился на Дорин и не удостоил меня даже взгляда. Я старалась делать вид, что не замечаю Фрэнки, семенившего рядом и пытавшегося взять меня под локоть, и села за стол рядом с Дорин.

В баре было так темно, что я едва могла разглядеть что-то, кроме своей подруги. С ее светлыми волосами и белым платьем она светилась так, что казалась серебристой. По-моему, в ней отражался свет неоновых ламп над стойкой. Я же чувствовала себя сливающейся с темнотой, словно негатив изображения человека, которого я никогда в жизни не видела.

– Ну, что закажем? – спросил мужчина с белозубой улыбкой.

– Мне бы что-нибудь традиционное и старомодное, – ответила Дорин.

Выбор выпивки всегда ставил меня в тупик. Я не отличаю виски от джина, и мне ни разу не удалось выпить что-то, что бы мне по-настоящему понравилось. Бадди Уилларду и другим моим знакомым ребятам из колледжа обычно не хватало денег на крепкие напитки, или же они вообще не пили. Просто поразительно, насколько много студентов не пьют и не курят. Похоже, я всех их знала. Самое большее, на что решился Бадди Уиллард, – это купить бутылку «Дюбонэ», да и то из стремления доказать, что можно быть эстетом, несмотря на то что учишься на медицинском.

– Я выпью водки, – произнесла я.

Мужчина посмотрел на меня внимательнее.

– С чем?

– Чистую. Я всегда пью чистую.

Мне показалось, что я выставлю себя полной дурой, заявив, что буду водку со льдом, джином или чем-то еще. Однажды я видела рекламный плакат, где под синим светом в сугробе

стоял полный стакан водки, и та казалась прозрачной и чистой, как вода. Вот я и подумала, что заказать просто водку будет в самый раз. Я мечтала как-нибудь заказать напиток и обнаружить, что у него великолепный вкус.

Потом подошел официант, и мужчина заказал выпивку на всех четверых. В этом стильном баре он чувствовал себя удивительно раскованно в своем ковбойском наряде, и мне показалось, что он, наверное, какая-то знаменитость.

Дорин ничего не говорила, лишь поигрывала пробковой подставкой для бокалов и, в конце концов, закурила сигарету, однако мужчина, казалось, не возражал или не придавал этому значения. Он пристально смотрел на нее таким взглядом, каким в зоопарке смотрят на попугая, ожидая, что тот скажет что-нибудь на человеческом языке.

Принесли напитки, и мой выглядел таким же прозрачным и чистым, как на рекламном плакате.

– Чем вы занимаетесь? – спросила я мужчину, чтобы нарушить молчание, которое стремительно росло вокруг меня плотной стеной, как трава в джунглях. – То есть чем вы занимаетесь здесь, в Нью-Йорке?

Медленно и, как показалось, с огромным усилием мужчина оторвал взгляд от плеча Дорин.

– Я диск-жокей, – ответил он. – Вы наверняка обо мне слышали. Меня зовут Ленни Шеперд.

– Я вас знаю, – внезапно произнесла Дорин.

– Очень этому рад, дорогая, – рассмеялся в ответ мужчина. – Это как раз в тему. Я чертовски знаменит. – Затем Ленни Шеперд смерил Фрэнки долгим взглядом.

– Слушайте, а вы откуда? – спросил Фрэнки, рывком выпрямившись на стуле. – Как вас зовут?

– Вот это Дорин, – Ленни обхватил ладонью обнаженную руку Дорин и слегка сжал ее.

Что меня удивило, так это то, что Дорин никак не отреагировала, заметив, что он делает. Она просто сидела, смуглая, как негритянка с обесцвеченными волосами, в своем белом платье, и элегантно потягивала из бокала.

– Мое имя Элли Хиггинботтом, – ответила я. – Я из Чикаго.

После этого я почувствовала себя увереннее. Я не хотела, чтобы что-то сказанное или сделанное мною в тот вечер ассоциировалось со мной, с моим настоящим именем и с тем, что я родом из Бостона.

– Ну что, Элли, как насчет потанцевать?

Мне сделалось смешно от одной мысли о том, чтобы танцевать с этим коротышкой в оранжевых замшевых туфлях на высоком каблуке, задрюпанной футболке и обвисшей синей спортивной куртке. Если я на кого-то и смотрю свысока, так это на мужчин в синем. Ладно уж в черном, сером или даже коричневом. Синий цвет меня смешит.

– Я не в настроении, – холодно ответила я, повернувшись к нему спиной и пододвинув стул поближе к Дорин и Ленни.

А эта парочка выглядела так, словно они знали друг друга много лет. Дорин длинной тонкой серебряной ложечкой вылавливала со дна бокала кусочки фруктов, а Ленни хрюкал каждый раз, когда она подносила ложечку ко рту, шелкал зубами и притворялся собакой или кем-то еще, пытаясь стянуть кусочек с ложки. Дорин хихикала и продолжала вылавливать фрукты.

Я начала думать, что водка все-таки именно мой напиток. У нее не было никакого вкуса, но она упала мне прямо в желудок, как шпага шпагоглотателя, и я почувствовала себя могучей и равной богам.

– Я, пожалуй, пойду, – произнес Фрэнки, вставая.

Я не смогла хорошенько его разглядеть, поскольку было очень темно, но впервые услышала, какой у него визгливый, дурацкий голос. Никто не обратил на него внимания.

– Эй, Ленни, ты мне кое-что должен. Ленни, разве ты не помнишь, что кое-что мне должен, а?

Мне показалось странным, что Фрэнки напоминает Ленни о том, что тот ему что-то должен, в присутствии девушек, которых впервые видит. Но Фрэнки продолжает стоять и повторять одно и то же, пока Ленни не залез в карман и не достал оттуда свернутую в рулон пачку зеленых купюр. Потом он вытащил из нее одну бумажку и протянул ее Фрэнки. По-моему, это была десятка.

– Заткнись и вали отсюда.

Почти минуту мне казалось, что Ленни сказал это и мне тоже, но потом я услышала, как Дорин произнесла:

– Без Элли я не поеду.

Надо отдать ей должное, она сразу запомнила мое вымышленное имя.

– А Элли поедет, ведь так, Элли? – спросил Ленни, подмигнув мне.

– Конечно, поеду, – ответила я.

Фрэнки растворился в сумерках, и я подумала, что стану держаться Дорин. Мне хотелось увидеть как можно больше.

Мне нравилось смотреть на людей в критической ситуации. Если я вижу аварию на дороге, драку на улице или заспиртованного в лабораторном сосуде младенца, я останавливаюсь и гляжу так пристально, что потом никогда не забуду.

Разумеется, я узнала многое из того, чего иначе не узнала бы никогда. И даже если от этого меня охватывало удивление или тошнота, я никогда не отводила взгляда, но делала вид, что и без того знаю, что так было всегда.

Глава вторая

Обиталище Ленни я бы не спутала ни с чьим другим.

Его интерьер в точности копировал внутреннее пространство сельского дома, перенесенное в нью-йоркское многоквартирное здание. Он сказал, что для большего простора пришлось снести несколько перегородок, а потом стены обшили сосновыми панелями и соорудили обшитый такими же панелями бар в форме подковы. По-моему, паркет на полу тоже был из сосны.

На полу повсюду красовались огромные белые медвежьи шкуры, а из мебели присутствовало только множество низеньких лежанок, покрытых индейскими коврами. Вместо картин на стенах висели олени и бизоны рога да чучело заячьей головы. Ленни указал большим пальцем на небольшую серую мордочку и остро торчавшие вверх уши.

– Сбил его машиной в Лас-Вегасе.

Он куда-то пошел через огромную комнату, и цоканье каблуков его ковбойских сапог отдавалось эхом, словно выстрелы.

– Тут такая акустика, – объяснил он на ходу, становясь все меньше и меньше, пока не исчез в какой-то дальней двери.

Вдруг отовсюду зазвучала музыка. Затем она смолкла, и мы услышали, голос Ленни:

– Это ваш двенадцатичасовой диск-жокей Ленни Шеперд с обзором десятки лучших хитов. На этой неделе на десятом месте – светловолосая девушка, о которой в последнее время столько разговоров, со своим единственным и неповторимым «Подсолнухом»!

Я родилась в Канзасе, выросла в Канзасе,

Если выйду замуж, то опять в Канзасе...

– Вот это класс! – восхитилась Дорин. – Какой же он классный, а?

– Это точно, – согласилась я.

– Слушай, Элли, сделай мне одолжение. – Похоже, теперь ей и впрямь казалось, что меня зовут Элли.

– Ну конечно, – ответила я.

– Ты меня одну не бросай, ладно? Я ведь с ним не справлюсь, если он вдруг начнет чудить. Видела, какой он мускулистый? – хихикнула Дорин.

Ленни появился откуда-то из задней комнаты.

– У меня там звуковой аппаратуры – на двадцать тысяч.

Он легкой походкой подошел к бару, достал три бокала, серебряное ведерко со льдом, большой кувшин и начал смешивать коктейли из нескольких разных бутылок.

...Верной той девчонке, что ждать обещала:

Ведь она подсолнух из «Подсолнечного штата».

– Очуметь, да? – Ленни подошел к нам, удерживая в руках три бокала. На них, словно пот, выступили большие капли, а кубики льда мелодично звякнули, когда он подал нам бокалы. Музыка резко оборвалась, и мы услышали, как голос Ленни объявляет следующий хит.

– Лучше нет, чем послушать самого себя. Знаешь, что, – Ленни уперся в меня взглядом, – Фрэнки слинял, а тебя кто-то должен развлекать. Сейчас позвоню кому-нибудь из ребят.

– Все нормально, – ответила я. – Не стоит беспокоиться. – Мне не хотелось заявлять ему прямо в лоб, чтобы он позвал кого-нибудь на несколько размеров больше Фрэнки.

Во взгляде Ленни мелькнуло облегчение.

– Пусть так, если ты не возражаешь. Я просто хотел угодить подружке Дорин. – Он улыбнулся ей широкой белозубой улыбкой. – Правда ведь, милая?

Он протянул Дорин руку и, не говоря ни слова, они оба начали танцевать, не выпуская из рук бокалов.

Я сидела, положив ногу на ногу, на одной из лежанок, и старалась выглядеть серьезной и бесстрастной, как бизнесмены, смотревшие танец живота, который мне как-то довелось увидеть. Однако стоило мне прислониться к стене под чучелом зайца, как лежанка вдруг поехала на колесиках к центру комнаты, так что я уселась на лежавшую на полу медвежью шкуру.

Мой коктейль оказался каким-то водянистым и нагонял тоску. С каждым глотком его вкус все больше походил на застоялую воду. Посередине бокал обвивало нарисованное розовое лассо в желтый горошек. Я отпила примерно на пару сантиметров ниже лассо и немного подождала, а когда собралась сделать очередной глоток, бокал вновь наполнился до уровня лассо.

Откуда-то сверху гремел голос Ленни:

– Зачем, ай-ай-ай, я покинул тебя, Вайоминг?

Они не переставали танцевать даже во время пауз. Мне казалось, что я сжимаюсь в крохотную черную точку на фоне этих красно-белых ковров и сосновых панелей. Я чувствовала себя так, словно проваливаюсь сквозь землю.

Есть что-то давящее и депрессивное в том, когда смотришь, как парочка все больше и больше балдеет друг от друга, особенно когда сам ты – третий лишний. Это то же самое, что смотреть на Париж из последнего вагона экспресса, уносящего тебя прочь от него. С каждой секундой город становится все меньше, только вот возникает ощущение, что на самом деле это ты становишься таким крошечным и печальным, стремительно улетаешь от моря огней и бурления жизни со скоростью миллион километров в час.

Ленни и Дорин все чаще сталкивались друг с другом, целовались, разлетались в стороны, чтобы отхлебнуть из бокалов, а потом снова слиться в танце. Я подумала: может, мне улечься на медвежью шкуру и поспать, пока Дорин не захочется вернуться в отель?

Ленни вдруг издал дикий рев. Я подпрыгнула и села прямо. Дорин вцепилась зубами в мочку левого уха Ленни.

– Отпусти, стерва!

Ленни нагнулся, и Дорин оказалась у него на плече, бокал выскользнул из ее пальцев, описал длинную широкую дугу и, как-то по-дурацки звякнув, оказался у сосновой стеной панели. Ленни все еще ревел и вертелся на одном месте так быстро, что я не могла разглядеть лица Дорин.

Я заметила – так машинально замечаешь цвет чьих-то глаз, – что груди Дорин вывалились из выреза платья и слегка покачивались из стороны в сторону, напоминая собой большие коричневые дыни, когда она кружилась, прижавшись животом к плечу Ленни, болтая в воздухе ногами и визжа. Потом они принялись хохотать и замедлили кружение, а Ленни все старался укунить Дорин за бедро через юбку, и тут я выскользнула за дверь, прежде чем смогло бы произойти что-то еще. Мне удалось спуститься вниз, цепляясь обеими руками за перила и чуть не падая.

Я поняла, что в квартире у Ленни работал кондиционер, лишь тогда, когда вывалилась на тротуар. Застоявшийся, почти тропический жар, которым за целый день пропитался асфальт, захлестнул меня, обдав лицо раскаленной волной, словно оплеухой на прощание. Я понятия не имела, где нахожусь.

С минуту я размышляла, не взять ли мне такси и все-таки поехать на вечеринку, но решила этого не делать, поскольку танцы уже наверняка закончились, а мне вовсе не хотелось оказаться в пустом, похожем на амбар танцевальном зале с полом, усыпанным конфетти, окурками и смятыми салфетками, что кладут под бокалы с коктейлями.

Я осторожно дошла до ближайшего перекрестка, касаясь стен домов кончиком пальца левой руки, чтобы не отклониться в сторону. Взглянула на табличку с названием улицы. Потом достала из сумочки карту Нью-Йорка. До отеля мне оставалось ровно сорок три квартала по прямой, а потом пять кварталов после поворота.

Необходимость идти пешком никогда меня не пугала. Я просто двинулась в нужном направлении, шепотом считая кварталы. Когда я вошла в вестибюль отеля, я уже полностью протрезвела и лишь слегка натерла ноги. Но винить за это следовало только себя, поскольку я не удосужилась надеть чулки.

В вестибюле не было никого, кроме ночного портье, дремавшего в своей освещенной кабинке среди ключей и молчавших телефонов.

Я проскользнула в полуавтоматический лифт и нажала кнопку своего этажа. Двери закрылись, как гармошка безмолвного аккордеона. Потом в ушах как-то странно зашумело, и я увидела крупную китайку с потекшей на глазах тушью, которая таращилась на меня идиотским взглядом. Конечно, это была всего лишь я. Я с ужасом поняла, какой вымотанной и потрепанной выгляжу.

В коридоре не было ни души. Я вошла к себе в номер. Там стоял дым коромыслом. Сначала я подумала, что дым появился сам собой в наказание мне, но потом вспомнила, что Дорин накурила у меня в номере, и нажала кнопку, включавшую оконный вентилятор. Окна здесь были устроены так, что их нельзя было открыть и высунуться наружу, и это почему-то меня просто бесило.

Стоя слева у окна и прислонившись щекой к деревянной раме, я видела город до самого здания ООН, возвышавшегося в темноте, словно какой-то кусок марсианских зеленых медовых сот. Я видела движущиеся красные и белые огоньки на дорогах и огни мостов, названий которых я не знала.

Тишина угнетала меня. Это было не молчание спокойной тишины. Это было безмолвие внутри меня. Я прекрасно знала, что машины шумят, и что люди, сидящие в машинах и за освещенными окнами, тоже шумят, и что река тоже шумит, но я ничего не слышала. Город висел у меня в окне, плоский, как плакат, но он мог там вообще не висеть, несмотря на все хорошее, что он мне принес.

Фарфорово-белый телефон на прикроватном столике мог соединить меня с внешним миром, но он просто стоял там, немой, как голова мертвеца. Я постаралась припомнить людей, которым давала свой номер, чтобы составить список всех, кто с той или иной вероятностью мог мне позвонить, но мысли мои вертелись лишь вокруг того, что я дала его матери Бадди Уилларда, чтобы та смогла передать его своему знакомому переводчику-синхронисту в ООН.

Я издала тихий, сухой смешок. Можно себе представить, с каким переводчиком-синхронистом намеревалась меня познакомить миссис Уиллард, если она все время хотела, чтобы я вышла замуж за Бадди, который сейчас лечился от туберкулеза где-то на севере штата Нью-Йорк. Его мама даже договорилась для меня о работе на лето официанткой в санатории для туберкулезников, чтобы Бадди не чувствовал себя одиноким. Они с Бадди не могли взять в толк, почему я вместо этого решила отправиться в Нью-Йорк.

Зеркало, стоявшее у меня на комод, показалось мне чуть искривленным и слишком серебристым. Смотревшее оттуда на меня лицо походило на отражение в капельке ртутной амальгамы для зубных пломб. Я было подумала лечь в постель, закутаться в одеяло и попытаться заснуть, но это вдруг представилось мне тем же, что засунуть грязное, заляпанное кляксами письмо в свежий, чистенький конверт. Я решила принять горячую ванну.

Наверное, есть много такого, что горячая ванна не в силах исправить, но я об этом почти ничего не знаю. Когда мне грустно и кажется, что я вот-вот умру, или когда я так нервничаю, что не могу заснуть, или влюблена в кого-то, с кем не увижусь целую неделю, я сникаю, а потом говорю себе: «Пойду-ка я приму горячую ванну».

В ванне я предаюсь размышлениям и мирозерцанию. Нужно напустить очень горячую воду, такую, которую едва терпишь, пробуя ее ногой. Потом медленно в нее погрузиться, сантиметр за сантиметром, пока вода не дойдет до шеи.

Я помню потолки над всеми ваннами, где я с наслаждением вытягивалась. В память мне врезались их текстуры, узоры трещинок, покраска, влажные пятна и светильники. Сами ванны я тоже не забыла: древние лохани на стилизованных под лапы грифонов ножках, и современные емкости для омовения в форме гробов, и гламурные ванны из розового мрамора рядом с кувшинковыми прудами в зимних садах. Я помню формы и размеры кранов и самые разные виды мыльниц. Я нигде не чувствую себя самой собой, кроме как в горячей ванне.

Я почти час лежала в ванне на семнадцатом этаже отеля «только для женщин», высоко над суматошным Нью-Йорком, и чувствовала, как вновь очищаюсь. Я не верю в крещение, в воды Иордана и все такое прочее, однако мне кажется, что для меня горячая ванна – то же самое, что святая вода для верующих.

Я говорила себе: «Дорин растворяется, Ленни Шеперд растворяется, Фрэнки растворяется, Нью-Йорк растворяется, все они растворяются и больше ничего не значат. Я их не знаю. Я никогда их не знала, и я очень чиста. Вся эта выпивка и липкие поцелуи, которые я видела, и пыль, ввевшаяся мне в кожу на обратном пути, превращаются во что-то кристально чистое».

Чем дольше я лежала в прозрачной горячей воде, тем более чистой себя ощущала, и когда я наконец вылезла из ванны в большое мягкое и белое махровое полотенце, я чувствовала себя чистой и безгрешной, как новорожденное дитя.

Не знаю, как долго я спала, прежде чем услышала стук в дверь. Сначала я не обратила на него никакого внимания, поскольку стучавший беспрестанно повторял: «Элли, Элли, Элли,пусти меня», – а я не знала никакой Элли. Затем к первоначальному глухому и тяжелому стуку прибавился другой, резкий, и второй, куда более четкий голос произнес:

– Мисс Гринвуд, к вам подруга.

И я поняла, что это Дорин.

Я резко вскочила на ноги и с минуту раскачивалась посреди темной комнаты, стараясь обрести равновесие. Мне представилась возможность забыть обо всех событиях того печального вечера, хорошенько выспавшись, а ей приспичило разбудить меня и перебить мне сон. Мне показалось, что если бы я сделала вид, что сплю, то стук бы прекратился, и меня оставили бы в покое. Я подождала, но этого не случилось.

– Элли, Элли, Элли, – бормотал первый голос, в то время как второй продолжал шипеть: – Мисс Гринвуд, мисс Гринвуд, мисс Гринвуд. – Как будто у меня было раздвоение личности.

Я открыла дверь и заморгала от хлынувшего из коридора яркого света. У меня создалось впечатление, что стоит не ночь и не день, что между ними вдруг вклинилось какое-то бледно-серое «межвременье», которое никогда не кончится.

Дорин бессильно прислонилась к дверному косяку. Когда я переступила порог, она буквально рухнула мне на руки. Лица ее я не увидела, потому что голова ее упала на грудь, а грязные белокурые волосы свисали вниз от самых темных корней, словно травяная юбочка туземки.

В низкорослой, крепко сбитой женщине с усиками над верхней губой, одетой в черную униформу, я узнала ночную горничную, которая гладила наши дневные и вечерние платья в тесной каморке, расположенной у нас на этаже. Я не могла взять в толк, откуда она знает Дорин и почему ей захотелось помочь той разбудить меня, вместо того чтобы тихонько отвести Дорин в ее номер.

Видя, что я поддерживаю Дорин руками и та молчит, разве что изредка с бульканьем икает, женщина направилась по коридору к своей каморке, где стояли древняя швейная машинка «Зингер» и белая гладильная доска. Мне захотелось броситься следом за ней и сказать, что я не имею к похождениям Дорин никакого отношения, потому что она выглядела стро-

гой и работающей, как старомодная иммигрантка из Европы, и напоминала мне мою бабушку, которая была родом из Австрии.

– Дай мне лечь, дай мне лечь, – бормотала Дорин. – Дай мне лечь, дай мне лечь.

Я поняла, что если перетащу Дорин через порог к себе в номер и уложу ее на свою кровать, то больше никогда от нее не избавлюсь.

Ее висевшее у меня на руках тело было теплым и мягким, как стопка подушек, а ее ноги в туфлях на высоких шпильках нелепо волочились по полу. Она была слишком тяжелая, чтобы я смогла протащить ее до номера по длинному коридору.

Я решила, что единственный выход – устроить ее лежать на ковре, закрыть дверь, запереться на ключ и снова лечь спать. Когда Дорин проснется, она не вспомнит, что произошло, и подумает, что, скорее всего, вырубилась у моей двери, когда я спала, а потом сама встанет и незаметно проскользнет в свой номер.

Я начала осторожно опускать Дорин на зеленый ковер в коридоре, как вдруг она издала глухой стон и дернулась вперед, чуть не вырвавшись у меня из рук. Из рта у нее вылетела бурая струйка рвоты и плюхнулась на пол, тотчас образовав лужу у меня под ногами.

Внезапно Дорин сделалась еще тяжелее. Ее голова склонилась вперед прямо в лужицу, а спутанные пряди белокурых волос погрузились в лужу, как древесные корни в болото, и тут я поняла, что она спит. Я шагнула назад. Я и сама-то была полусонная.

В ту ночь я приняла решение насчет Дорин. Я решила, что стану наблюдать за ней и слушать то, что она скажет, но в глубине души не буду иметь с ней ничего общего. В глубине души я сохраню верность отношениям с Бетси и ее простодушными подругами. Если честно, то я сама похожа на Бетси.

Я тихонько вернулась к себе в номер и закрыла дверь. Чуть подумав, не стала запирать ее на ключ. Не могла себя заставить сделать это.

Проснувшись наутро в застоялой, зашторенной духоте, я оделась, умылась холодной водой, слегка подкрасила губы и медленно открыла дверь. По-моему, я все еще ожидала увидеть Дорин, неподвижно лежащую в лужице рвоты, словно жуткое и яркое свидетельство своего собственного непотребства.

В коридоре никого не оказалось. Ковер тянулся во всю его длину, чистенький и вечно-зеленый, за исключением малозаметного темного пятна неправильной формы у моей двери, словно кто-то случайно разлил стакан воды, но потом насухо вытер ковер.

Глава третья

На банкетном столе в редакции журнала «Дамский день» стояли разрезанные пополам желто-зеленые авокадо, фаршированные крабовым мясом под майонезом, большие блюда с ростбифами с кровью и холодной курятиной, а между ними тут и там возвышались хрустальные вазочки, доверху наполненные черной икрой. Я не успела позавтракать в буфете отеля, перехватила лишь чашку кофе из немного подгоревших зерен, такого горького, что у меня непроизвольно сморщился нос, и просто умирала от голода.

До своего приезда в Нью-Йорк я никогда не ела в настоящем ресторане. «Говард Джонсон» не в счет, потому что там я поглощала с ребятами вроде Бадди Уилларда только картошку фри, чизбургеры и молочный коктейль с ванильным мороженым. Сама не знаю почему, но поесть я люблю больше всего на свете. Неважно, сколько я ем, но никогда не толстею. За единственным исключением я держу один и тот же вес уже десять лет.

В моих любимых блюдах всегда много масла, сыра и сметаны. В Нью-Йорке мы так часто ели с разными людьми за счет журнала и всяких приезжавших в гости знаменитостей, что у меня вошло в привычку проглядывать огромные, написанные от руки меню, где гарнир из бобов стоил пятьдесят или шестьдесят центов, пока не выберу самые вкусные и дорогие блюда и не закажу их все сразу.

Нас всегда возили куда-то и кормили за чей-то счет, так что я никогда не чувствовала себя виноватой. Я старалась есть как можно быстрее и никогда не заставляла ждать тех, кто обычно заказывал лишь салат-латук с кусочками мяса и помидорами и грейпфрутовый сок, потому что старался похудеть. Почти все, кого я встречала в Нью-Йорке, старались похудеть.

– Я хочу поприветствовать самых красивых и умных девушек, которых наша редакция когда-либо имела счастье принимать, – просипел во вставленный в петлицу микрофон пухлый лысый церемониймейстер. – Этот банкет – всего лишь скромный образчик гостеприимства, с которым кулинарный отдел «Дамского дня» встречает оказавших нам честь своим визитом красавиц.

Негромкие дежурные аплодисменты, и все мы уселись за огромный накрытый скатертью стол.

На банкете присутствовали одиннадцать девушек из журнала вместе с почти всеми нашими шеф-редакторами, а также кулинарный отдел «Дамского дня» в полном составе: все в стерильных белых халатах, с волосами, убранными под изящные сеточки, и безупречным макияжем одинакового персикового тона.

За столом нас было только одиннадцать, потому что не хватало Дорин. По какой-то причине место ей определили рядом со мной, и стул оставался пустым. Я взяла для нее куверт-карточку: карманное зеркальце с надписью «Дорин», выведенной наверху каллиграфическим шрифтом, и тисненым венком из маргариток по краям, обрамляющим серебряный кружок, где должно отражаться ее лицо.

Этот день она проводила с Ленни Шепердом. Теперь она проводила с ним почти все свое свободное время.

За час до званого обеда в «Дамском дне» – широкоформатном женском журнале с великолепными цветными разворотами блюд, с меняющимися каждый месяц темой и местом действия – нас проводили по бесконечным сияющим кухням и показали, как трудно сделать стильную фотографию яблочного пирога при ярком освещении, потому что мороженое все время тает и его надо подпирать сзади зубочистками, а также менять, когда оно начинает выглядеть неаппетитно.

От вида еды, штабелями стоявшей в кухнях, у меня закружилась голова. Дома мы не то чтобы недоедали, просто бабушка всегда готовила дешевый суп и дешевое мясо, к тому

же у нее была привычка, не успеешь поднести ложку или вилку ко рту, говорить: «Надеюсь, тебе понравится, это обошлось мне в сорок один цент за фунт». От этих слов у меня всегда возникало ощущение, что я ем монеты вместо воскресного бифштекса.

Пока мы стояли за стульями и слушали приветственную речь, я наклонила голову и украдкой посмотрела, где стоят вазочки с икрой. Одна из них занимала стратегически выгодное положение между мною и пустым стулом Дорин.

Я вычислила, что девушка напротив меня не сможет дотянуться до нее из-за стоящей посередине стола вазы с целой горой фруктов из марципана, а сидящая справа от меня Бетси постесняется попросить меня передать ей икру, если я придвину ее к своему локтю рядом с хлебной тарелочкой. К тому же еще одна вазочка с икрой стояла чуть правее соседки Бетси, так что она могла взять себе икры оттуда.

У нас с дедушкой была семейная шутка. Он работал метрдотелем в загородном клубе недалеко от моего родного города, и каждое воскресенье бабушка ездила туда, чтобы забрать его на выходной, приходившийся на понедельник. Мы с братом по очереди ездили вместе с ней, а дедушка всегда подавал воскресный ужин бабушке и тому из нас, кто составлял ей компанию, словно мы были завсегдатями клуба. Он обожал рассказывать мне про всякие вкусности, и к девяти годам у меня развилась страсть к супу лике, икре и паштету из анчоусов.

Шутка заключалась в том, что на моей свадьбе дедушка проследит, чтобы я вволю наелась черной икры. Шуткой это было потому, что я не собиралась выходить замуж, а даже если бы и вышла, то дедушка не смог бы обеспечить столько икры, разве что ограбить кладовые клуба и утащить деликатес в огромном чемодане.

Под прикрытием звона бокалов с водой, звяканья столового серебра и тонкостенного фарфора я выложила тарелку кусочками курятины. Потом покрыла курятину толстым слоем икры, словно намазывала ореховое масло на кусок хлеба. Потом я по очереди пальцами брала ломтики курятины, сворачивая их в трубочку, чтобы оттуда не выпала икра, и поела один за другим.

После долгих и мучительных раздумий о том, какой ложкой и вилкой что есть, я поняла, что если за столом сделаешь что-то не так, но с высокомерным видом, словно ты прекрасно знаешь, что именно так и надо, тебе это сойдет с рук, и никто не подумает, что у тебя плохие манеры или дурное воспитание. Все сочтут тебя оригинальной и весьма остроумной.

Я научилась этому в тот день, когда Джей Си взяла меня на обед с известным поэтом. На нем был жуткий, мешковатый, весь в пятнах коричневый твидовый пиджак, серые брюки и пуловер в красно-синюю клетку, а обед происходил в фешенебельном ресторане с фонтанами и хрустальными люстрами, где остальные мужчины были одеты в темные костюмы и ослепительно-белые рубашки.

Сей поэт ел салат руками, выуживая из тарелки листик за листиком, пока говорил со мной об антитезе природы и искусства. Я не могла отвести глаз от его бледных, узловатых пальцев, сновавших от тарелки ко рту, один за другим перемещая туда листья салата, с которых капал соус. Никто не хихикал и не делал укоризненных замечаний. Поэт вел себя так, что поедание салата руками казалось донельзя естественным и рациональным.

Поблизости не наблюдалось ни редакторов из нашего журнала, ни кого-то из сотрудников «Дамского дня», и Бетси выглядела милой и дружелюбной. Казалось даже, что она не любит икру, так что я чувствовала себя все увереннее и увереннее. Опустошив первую тарелку с холодной курятиной и икрой, я положила себе еще. Затем с усердием принялась за авокадо и салат из крабов.

Авокадо – мой любимый фрукт. Каждое воскресенье дедушка приносил мне одно авокадо, спрятанное на дне чемоданчика под шестью грязными рубашками и воскресными комиксами. Он научил меня, как нужно есть авокадо: развести в кастрюле виноградное желе и салатную заправку из уксуса и растительного масла и заполнить половинки плода соусом темно-

красного цвета. Мне захотелось домой, к этому соусу. По сравнению с ним у крабов был пресный вкус.

– Как прошел показ мехов? – спросила я Бетси, когда окончательно перестала опасаться конкуренции насчет моей икры. Я собрала с тарелки последние черные солоноватые икринки ложкой для супа и тщательно облизала ее.

– Просто чудесно, – улыбнулась Бетси. – Нам показали, как сделать универсальный шарфик из норковых хвостов и золотой цепочки, ну, такой, точную копию которого можно купить в «Вулворте» за доллар девяносто восемь центов. А сразу после этого Хильда бросилась на оптовые меховые склады и купила целый ворох норковых хвостов с большой скидкой. Потом забежала в «Вулворт» и сделала себе шарф, пока мы ехали в автобусе.

Я перевела взгляд на Хильду, сидевшую по другую сторону от Бетси. И вправду, на ней был дорого смотревшийся шарф из меховых хвостов, скрепленных свисавшей вниз позолоченной цепочкой.

Я никогда до конца не понимала Хильду. Она была ростом метр восемьдесят, с огромными, чуть раскосыми глазами, пухлыми алыми губами и каким-то отрешенным выражением лица, как у славянки. Она делала шляпки. Ее прикрепили к редактору отдела моды, что ставило ее особняком среди девушек с более заметными литературными наклонностями, вроде Дорин, Бетси и меня, которые писали колонки, даже если некоторые из них касались лишь красоты и здоровья. Не знаю, умела ли Хильда читать, но шляпки она делала потрясающие. В Нью-Йорке она посещала специальные курсы шляпных мастеров, и каждый день надевала на работу новую шляпку, сделанную собственными руками из соломки, меха, лент или вуалевой ткани в различных сочетаниях и цветовых гаммах.

– Это удивительно, – сказала я. – Просто удивительно.

Мне не хватало Дорин. Та отпустила бы какое-нибудь тонкое язвительное замечание по поводу мехового украшения Хильды, чтобы рассмешить и взбодрить меня.

Я пребывала в унынии. Ведь в то самое утро сама Джей Си «расколола» меня, и теперь мне казалось, что мои мрачные подозрения касательно себя самой начинают сбываться и я больше не смогу долго скрывать правду. После девятнадцати лет беготни за отличными оценками, всевозможными призами и грантами я начала давать слабину и тормозить, явно сходя с дистанции.

– А почему ты не пошла с нами на показ мехов? – спросила Бетси. У меня создалось впечатление, что она повторяется и уже задавала мне тот же вопрос минуту назад, только я, наверное, не слышала. – Ты куда-то отправилась с Дорин?

– Нет, – ответила я. – Мне хотелось попасть на показ мехов, но позвонила Джей Си и велела мне явиться в офис.

Насчет своего желания пойти на показ мехов я немного покривила душой, но попыталась убедить себя, что так оно и было, чтобы почувствовать себя по-настоящему уязвленной тем, что сделала Джей Си.

Я рассказала Бетси, как утром, лежа в постели, планировала пойти на показ мехов. Чего я ей не рассказала, так это того, что чуть раньше ко мне в номер зашла Дорин и предложила:

– Зачем тебе идти на этот идиотский показ? Мы с Ленни собираемся на Кони-Айленд, поехали с нами, а? Ленни найдет тебе хорошего кавалера, а то день так и пропадет к чертовой матери с этим званым обедом, а потом еще кинопремьерой. Нашего отсутствия никто и не заметит.

Какую-то минуту я колебалась. Показ представлялся мне и вправду идиотским. Я никогда не интересовалась мехами. В конечном итоге я решила всласть поваляться в постели, а потом отправиться в Центральный парк и целый день пролежать на траве, самой высокой, какую только найду в этой выстриженной, усеянной прудами с уточками пустыне.

Я ответила Дорин, что не пойду ни на показ, ни на званый обед, ни на премьеру, но на Кони-Айленд тоже не поеду, а лучше полежу. После ухода Дорин я вдруг подумала: почему я больше не могу делать то, что должно делать? От этих мыслей меня охватили тоска и уныние. Потом я подумала: почему я больше не могу делать все, что мне заблагорассудится, как Дорин? И от этого мне сделалось еще тоскливее.

Я не знала, который час, но слышала, как в коридоре шумели и щебетали наши девушки, собираясь на показ мехов, а потом все стихло. Лежа на кровати, я откинулась на спину и уставилась в безликий белый потолок, и воцарившиеся тишина и неподвижность, казалось, все росли и росли, пока я не почувствовала, что у меня вот-вот лопнут барабанные перепонки. И тут зазвонил телефон.

Несколько мгновений я пристально смотрела на него. Трубка чуть подрагивала на фарфорово-белом рычаге, и я убедилась, что телефон действительно звонит. Я подумала, что могла дать свой номер кому-нибудь на танцах или на приеме, а потом забыла об этом. Я подняла трубку и произнесла чуть хриловатым, приветливым голосом:

– Аллю?

– Это Джей Си, – грубовато, но отчетливо затараторила Джей Си. – Я тут подумала: не планируешь ли ты сегодня появиться в офисе?

Я вжалась в матрас. Я понятия не имела, почему Джей Си вдруг решила, что я собираюсь в офис. Нам всем раздали отпечатанные на ксероксе карточки с расписанием, чтобы мы могли отслеживать все занятия, и очень часто утром и днем мы не появлялись в офисе, а выезжали в город на какие-то мероприятия. Разумеется, кое-какие из них не являлись обязательными.

В воздухе повисла долгая пауза. Затем я кротким тоном ответила:

– Я думала отправиться на показ мехов.

Конечно, у меня и в мыслях этого не было, но ничего лучше мне придумать на ходу не удалось.

– Я ответила ей, что думала отправиться на показ мехов, – сказала я Бетси. – Но она велела мне приехать в офис, у нее ко мне был небольшой разговор, да еще меня ждала какая-то работа.

– Ой-ой-ой! – сочувственно воскликнула Бетси.

Наверное, она заметила слезы, капавшие в мою десертную тарелку с безе и мороженым с коньяком, потому что придвинула ко мне свой нетронутый десерт, и я рассеянно принялась за него, после того как доела свой. Мне стало неудобно за то, что я не смогла сдержать слез, но тому имелись реальные причины. Джей Си наговорила мне ужасных вещей.

Когда примерно в десять часов я робко проскользнула в офис, Джей Си встала, обошла свой стол и закрыла дверь. Я села напротив нее, на вращающийся стул за свой столик с пишущей машинкой, а она опустилась на вращающийся стул у себя за столом и повернулась лицом ко мне. На окне одна над другой возвышались полки с цветочными горшками, и растения у нее за спиной казались тропическим садом.

– Разве тебя не интересует твоя работа, Эстер?

– Ой, интересует, интересует, – торопливо ответила я. – Очень интересует.

Мне хотелось прокричать эти слова, как будто от этого они сделаются убедительнее, но я сдержалась.

Всю жизнь я твердила себе, что очень хочу учиться, читать, писать и работать как сумасшедшая. И это действительно казалось правдой. У меня все получалось, и я училась на круглые пятерки, и к тому времени, как поступила в колледж, меня уже никто не мог остановить.

Я была студенческим корреспондентом городской газеты, редактором литературного журнала и секретарем студенческого совета, в ведении которого, в частности, были академические и общественные проступки, правонарушения и наказания за них, – престижное место.

А на факультете одна знаменитая поэтесса и профессор прочила мне магистратуру в лучших университетах Восточного побережья. Мне всюду обещали высокие стипендии, а сейчас я стажировалась под началом лучшего редактора интеллектуального журнала мод. И после всего этого я могла лишь упираться, как усталая ломовая лошадь?

– Мне очень интересно все на свете. – Мои слова падали на стол Джей Си с глухим бряканьем, словно деревянные монетки.

– Рада слышать, – несколько ядовито ответила Джей Си. – Ты сама знаешь, что можешь многому научиться за месяц работы в нашем журнале, если засучишь рукава. Стажировавшаяся здесь до тебя девушка не отвлекалась на всякие там показы мод. Отсюда ее взяли напрямую в журнал «Тайм».

– Ух ты! – отозвалась я тем же замогильным голосом. – Вот это взлет!

– Конечно, тебе еще год учиться в колледже, – чуть смягчившись, продолжила Джей Си. – А чем ты думаешь заняться после выпуска?

Мне всегда казалось, что я получу какую-нибудь большую стипендию в магистратуре или грант на учебу с поездками по всей Европе. А потом я виделась себе профессором, издающим сборники стихов. Или же поэтессой, издающей сборники стихов и совмещающей это с какой-то редакторской деятельностью. Обычно я долго не раздумывала, сообщая об этих планах.

– Пока точно не знаю, – услышала я собственный голос.

Я испытала глубокое потрясение от этих своих слов, потому что, как только их произнесла, поняла, что так оно и есть.

Это прозвучало искренне, и я осознала это примерно так же, как осознаешь, что некий невзрачный субъект, который годами ошивался у твоего дома, а потом вдруг явился и представился твоим настоящим отцом, и есть твой настоящий отец, да вы с ним и похожи, как две капли воды, а тот, которого ты всю жизнь считала своим отцом, – просто мошенник.

– Пока точно не знаю.

– Так ты ничего не добьешься. – Джей Си ненадолго умолкла. – Как у тебя с языками?

– Ну, я немного читаю по-французски, и, по-моему, мне всегда хотелось выучить немецкий. – Я лет пять всем говорила, что мне всегда хотелось выучить немецкий.

Моя мама в детстве, проведенном в Америке, говорила по-немецки, и за это во время Первой мировой войны ее в школе забросали камнями. Мой немецкоговорящий отец, умерший, когда мне было девять лет, был родом из забытой Богом деревушки в самом центре мрачной Пруссии. Мой младший брат в тот момент отправился в Берлин по программе международного школьного обмена и говорил по-немецки, как на родном языке.

Чего я не сказала, так это того, что каждый раз, когда я брала в руки немецко-английский словарь или немецкую книгу, при одном лишь виде этих плотно стоящих, черных, словно свитых из колючей проволоки букв, мое сознание захлопывалось, как раковина двустворчатого моллюска.

– Я всегда думала, что мне понравится работать в издательской отрасли. – Я пыталась вновь ухватиться за ниточку, которая, возможно, вернет меня к прежнему блестящему умению подать себя. – Мне кажется, что я постараюсь устроиться в какое-нибудь издательство.

– Тебе нужно уметь читать по-французски и по-немецки, – безжалостно заключила Джей Си, – и, возможно, еще на каких-то языках. На испанском, итальянском, а еще лучше – и на русском. Каждый год в июне Нью-Йорк наводняют тысячи девушек, надеющихся выбиться в редакторы. Тебе нужно обладать чем-то бóльшим, нежели банальной добросовестностью и исполнительностью. Необходимо выучить языки.

У меня не хватило духу сказать Джей Си, что мой учебный план на выпускной курс был настолько плотным, что втиснуть туда еще и языки представлялось совершенно невозможным. Я занималась по одной из программ для студентов-отличников, развивавших независимое мышление, и помимо курса по Толстому и Достоевскому вкупе с семинаром по углуб-

ленному изучению поэтической композиции мне предстояло посвятить все оставшееся время написанию работы по какой-то невразумительной теме в творчестве Джеймса Джойса. Тему я еще не выбрала, потому что не успела прочесть «Поминки по Финнегану», но моего научного руководителя очень воодушевила моя будущая работа, и он обещал дать мне кое-какие наметки по теме близнецов, двойников и антиподов.

– Я посмотрю, что смогу сделать, – ответила я Джей Си. – Возможно, у меня получится попасть на какие-нибудь ускоренные курсы начального уровня немецкого, которых сейчас полным-полно.

В тот момент мне показалось, что я и вправду могу на них поступить. Мне удавалось уговорить кураторшу курса разрешать мне делать что-то за рамками программы. Она рассматривала меня как объект интересного методического эксперимента.

В колледже мне пришлось пройти обязательный курс физики и химии. Я уже закончила курс ботаники и получила прекрасный результат. За весь год я ни разу не ошиблась в ответах на тестовые вопросы и какое-то время подумывала о том, чтобы стать ботаником и изучать дикие травы в Африке или тропические леса в Южной Америке, потому что гораздо легче получить большой грант на изучение чего-нибудь необычного в экзотических местах, нежели искусства в Италии или английской филологии в Англии. Тут гораздо меньше конкурентов.

Я полюбила ботанику, потому что мне нравилось обрезать листья и помещать их под микроскоп, рисовать диаграммы роста хлебной плесени и странные, в форме сердца, листья папоротника во время его полового размножения. И все это казалось мне осязаемым и реальным.

Когда я явилась на первое занятие по физике, то поняла, что пришла моя смерть. Низкорослый смуглый мужчина с высоким шепелявым голосом в облегающем синем костюме стоял перед студентами, держа в руке небольшой деревянный шар. Звали его мистер Манци. Он положил шар на край установленного под острым углом желоба, потом отпустил шар, и тот скатился вниз. Потом он начал говорить о допустимом равном ускорении «а» в допустимом равном отрезке времени «t» и вдруг принялся так быстро покрывать доску буквами, цифрами и знаками равенства, что я тотчас же отупела.

Я принесла учебник физики к себе в общежитие. Он представлял собой огромную брошюру, отпечатанную на ротаторе, в четыреста страниц без рисунков и фотографий, испещренных сплошь диаграммами, графиками и формулами, на шершавой бумаге и в обложке из кирпично-красного картона. Мистер Манци написал ее с целью объяснить физику студенткам колледжей, и если все пройдет успешно на нашем курсе, он постарается опубликовать свой учебник.

Ну вот, я изучала формулы, ходила на занятия, смотрела на катившиеся по желобам шары, слушала звонки на перемены, а когда в конце семестра большинство девочек завалили экзамен, получила твердую пятерку. Я слышала, как мистер Манци говорил нескольким студенткам, жаловавшимся, что курс оказался слишком трудным:

– Нет, он не слишком труден, поскольку одна из вас получила твердую пятерку.

– Скажите, кто это? – спросили они.

Но он лишь молча покачал головой и улыбнулся мне чуть заметной заговорщической улыбкой.

Это навело меня на мысль о том, как бы мне в следующем семестре увильнуть от химии. Может, я и получила твердую пятерку по физике, но меня охватила страшная паника. Меня тошнило от физики все время, что я ее учила. Я не могла вынести того, что все сжималось в буквы и цифры. Вместо контуров листьев, увеличенных снимков пор, через которые эти листья дышат, и завораживающих слов вроде «каротин» и «ксантофилл», написанных на доске, там красовались жуткие, сдавленные, похожие на скорпионов формулы, которые мистер Манци специально писал красным мелом.

Я знала, что с химией будет еще хуже, потому что видела висевшую в химическом кабинете огромную таблицу из девяноста с чем-то элементов, где все совершенно нормальные слова вроде «золото», «серебро», «кобальт» и «алюминий» усекались до жутких сокращений с двузначными числами под ними. Если я еще раз нагружу свой мозг чем-то подобным, то просто сойду с ума и сразу же все завалю. Только страшным усилием воли я протащила себя через первое полугодие.

Так что я отправилась к кураторше курса, имея в запасе хитроумный план. Он состоял в том, что мне было нужно время на курс по творчеству Шекспира, поскольку я, в конечном-то итоге, специализировалась на английском языке и литературе. Мы с ней обе прекрасно знали, что по химии я снова получу твердую пятерку, так зачем мне вообще сдавать экзамен? Почему бы просто не походить на занятия, послушать и постараться вникнуть, забыв об оценках и отличиях? Это было делом чести между людьми чести, и содержание значило гораздо больше, нежели форма, а сами оценки выглядят глуповато, не так ли, когда знаешь, что все равно получишь пятерку? Мой план подкреплялся еще и тем фактом, что колледж только что отказался от второго года обязательных естественно-научных дисциплин, так что моему курсу выпало последнему страдать по старой программе.

Мистер Манци был полностью согласен с моим планом. По-моему, ему льстило, что мне так нравились его занятия, что я стану посещать их не из корыстных побуждений вроде отличий и пятерки, а только из-за изящества самой химии. Мне казалось, я повела себя очень изобретательно, предложив высидеть курс химии даже после того, как переключилась на Шекспира. Это было избыточным проявлением рвения, но все выглядело так, будто бы я оказалась просто не в силах бросить химию.

Конечно, моя задумка ни за что бы не удалась, если бы я в самом начале не получила пятерку. Если бы кураторша курса знала, как я напугана и подавлена и что я вполне серьезно рассматривала крайние меры вроде получения справки от врача о том, что мне противопоказано заниматься химией, что от формул у меня начинается головокружение и все прочее, она бы точно не стала меня слушать и, несмотря ни на что, заставила бы взять этот курс.

Так уж получилось, что ученый совет удовлетворил мое «прошение», и позже кураторша курса сказала мне, что оно глубоко тронуло нескольких профессоров. Они восприняли его как реальное проявление интеллектуальной зрелости.

Меня распирало от смеха, когда я думала об окончании того учебного года. Я пять дней в неделю ходила на занятия по химии и не пропустила ни одного. Мистер Манци стоял в самом низу большого, ветхого от старости амфитеатра и выливал содержимое одной пробирки в другую, зажигая голубое пламя, вызывая красные вспышки и пуская клубы желтого дыма. Я же отключала его голос, внушая себе, что это комар пищит где-то вдалеке, и сидела, любуясь яркими огнями и цветастыми язычками пламени, исписывая при этом страницу за страницей пасторальными стишками и сонетами.

Мистер Манци время от времени поглядывал на меня и, видя, что я что-то пишу, улыбался мне чуть заметной одобрительной улыбкой. По-моему, он думал, что я записываю все эти формулы не для экзамена, как остальные девочки, а потому, что его изложение меня увлекает и я не могу отказать себе в этом удовольствии.

Глава четвертая

Сама не знаю почему, сидя в кабинете Джей Си, я вдруг вспомнила, как успешно увиливала от химии. Все время, пока она со мной говорила, я видела стоявшего у нее за спиной мистера Манци, появившегося там, словно из цилиндра фокусника. В руках он держал небольшой деревянный шар и лабораторную пробирку, из которой за день до пасхальных каникул вырвался огромный клуб желтого дыма, вонявший тухлыми яйцами, отчего все девочки и мистер Манци весело рассмеялись.

Мне стало жаль мистера Манци. Мне захотелось подползти к нему на четвереньках и попросить прощения за то, что я его так подло обманула.

Джей Си подала мне стопку рукописей рассказов и заговорила куда более благожелательным тоном. Остаток утра я занималась тем, что читала рассказы и печатала свои отзывы на них на специальной розовой бумаге, после чего отсылала все это в кабинет редактора, у которого стажировалась Бетси, чтобы Бетси прочла их на следующий день. Джей Си иногда прерывала меня, чтобы сказать что-нибудь полезное или просто поделиться очередной сплетней.

В полдень Джей Си предстоял обед с известными писателем и писательницей. Писатель только что продал шесть рассказов журналу «Нью-Йоркер» и еще шесть – Джей Си. Это меня удивило, потому что я не знала, что журналы покупают рассказы пакетами по шесть штук, и пришла в ступор от одной мысли о том, сколько денег принесут автору эти шесть рассказов. Джей Си сказала, что на этом обеде ей нужно будет вести себя очень осторожно, поскольку писательница тоже сочиняла рассказы, но в «Нью-Йоркере» никогда не публиковалась, а сама Джей Си взяла у нее за пять лет всего один рассказ. Джей Си придется льстить более известному писателю и в то же время постараться не задеть менее знаменитую литераторшу.

Когда херувимы на настенных часах Джей Си в стиле Людовика XIV замахали крылышками, поднесли трубы к своим пухлым губкам и один за другим проиграли двенадцать тактов, Джей Си сказала мне, что на сегодня достаточно и что я могу отправляться в «Дамский день» на экскурсию и банкет, после чего – на кинопремьеру, а завтра с утра пораньше она ждет меня свежей и отдохнувшей. Затем она накинула жакет поверх сиреневой блузки, нацепила на голову шляпку с искусственными веточками сирени, быстренько припудрила нос и поправила очки с толстыми линзами. Выглядела она ужасно, но чрезвычайно интеллигентно. Выходя из кабинета, потрепала меня по плечу рукой в сиреневой перчатке.

– Не позволяй этому жуткому городу сломать себя.

Несколько минут я тихонько сидела на своем вращающемся стуле и думала о Джей Си. Я представила, каково это будет сделаться Э Гэ, известным редактором, сидящим в кабинете, полном горшков с искусственными цветами и сенполиями, которые каждое утро должна поливать моя секретарша. Я пожалела, что моя мама не походила на Джей Си. Тогда бы я точно знала, что мне делать.

Моя родная мать в этом отношении была мне не помощница. Она преподавала стенографию и машинопись с той самой поры, как умер папа, и втайне ненавидела и это занятие, и отца – за то, что он умер и оставил нас без денег, потому что не доверял агентам по страхованию жизни. Она всегда внушала мне, чтобы я после колледжа обучилась стенографии, ведь тогда у меня были бы и практические навыки, и диплом об окончании колледжа.

– Даже апостолам приходилось плотничать, – твердила она. – Надо было добывать хлеб насущный, как и нам.

Я опустила пальцы в небольшую чашу с теплой водой, которой официантка из «Дамского дня» заменила две пустые вазочки из-под мороженого. Затем я аккуратно вытерла каждый палец совсем еще чистой полотняной салфеткой. Потом свернула салфетку, пропустила ее

между губами и точно рассчитанным движением сжала их. Когда я положила салфетку на стол, на ней посередине розовело сердечко с чуть размытыми краями.

Я подумала о том, какой долгий путь я прошла. Впервые я увидела чашу для омовения пальцев в доме моей благотворительницы. В нашем колледже было заведено, как сказала мне хрупкая веснушчатая дама из отдела стипендиатов, писать благодарственное письмо человеку, чью именную стипендию ты получаешь, если он еще жив.

Я получала стипендию Филомены Гини, богатой романистки, учившейся в нашем колледже в начале XX века. Ее первый роман был экранизирован в немом кино с Бетт Дэвис в главной роли, а потом переделан в сериал, до сих пор звучащий по радио. Оказалось, что она жива и обитает в огромном особняке неподалеку от загородного клуба, где работал мой дедушка.

Так вот, я написала Филомене Гини длинное письмо черными, как ночь, чернилами на сероватой бумаге с тисненым красным названием колледжа наверху. Я писала о том, как выглядят осенние листья, когда я еду на велосипеде меж холмов, как прекрасно жить в общежитии, а не возвращаться каждый день из колледжа домой, как передо мной открывается вся сокровищница знаний и как когда-нибудь я, наверное, смогу писать такие же великие романы, как она.

Я прочла одну из книг миссис Гини в читалке городской библиотеки – в библиотеке колледжа они по какой-то причине отсутствовали, – она от начала до конца кишела длинными интригующими вопросами вроде: «Догадается ли Эвелин, что Глэдис когда-то давно была знакома с Роджером?» – лихорадочно ломал голову Гектор». Или: «Как Дональд мог жениться на ней, когда узнал о малютке Элси, спрятанной миссис Роллмоп на отдаленной ферме?» – задала Гризельда немой вопрос своей холодной, залитой лунным светом подушке». Эти книги принесли Филомене Гини, впоследствии рассказавшей мне, что в колледже она перебивалась с двойки на тройку, миллионы и миллионы долларов.

Миссис Гини ответила на мое письмо и пригласила меня к себе домой отобедать. Вот там-то я впервые и увидела чашу для омовения пальцев.

В воде плавали несколько лепестков вишни, и я решила, что это, наверное, какой-то прозрачный японский послеобеденный бульон, и проглотила содержимое чаши целиком, включая маленькие жесткие лепестки. Миссис Гини не произнесла ни слова, и лишь гораздо позже, когда я рассказала об обеде одной знакомой первокурснице, я узнала, что на самом деле натворила.

Выйдя из ярко освещенной редакции «Дамского дня», мы оказались на серых улицах, источавших запах дождя. Это был не приятный освежающий дождик, а скорее ливень, какой, по-моему, бывает в Бразилии. Он отвесно падал с неба каплями размером с блюдце и обрушивался на раскаленные тротуары с шипением, после чего на блестящем сером бетоне вздымались крохотные облачка пара.

Моя сокровенная мечта провести остаток дня одной в Центральном парке сгинула в напминающих венчик для взбивания яиц вращающихся дверях «Дамского дня». Я почувствовала, как меня выбросило через теплую стену дождя в полумрак подрагивающего чрева такси, где я оказалась вместе с Бетси, Хильдой, Эмили Энн Оффенбах и чопорной молодой низкорослой женщиной с пучком рыжих волос, которую в Тинке, штат Нью-Джерси, дожидались муж и трое детей.

Фильм оказался из рук вон слабым. Главные роли в нем играли миловидная блондинка, похожая на Джун Эллисон, но не сама Джун, сексуальная брюнетка, похожая на Элизабет Тейлор, но тоже не сама Лиззи, и два здоровенных широкоплечих болвана с именами вроде Рика и Джиля.

Это была любовная история из жизни футболистов, снятая на цветную пленку. Ненавижу подобные картины. Похоже, все снимающиеся в гламурно-цветных лентах просто обязаны в каждой новой сцене появляться в ярко-кричащих костюмах и красоваться, словно на показе

мод, на фоне ярко-зеленых деревьев, ярко-желтой пшеницы или лазурного океана, простирающихся на многие километры во всех направлениях.

Действие картины по большей части происходило на футбольных трибунах, где девушки в шикарных нарядах с приколотыми к ним оранжевыми хризантемами размером с кочан капусты размахивали руками и кричали. Или в танцевальном зале, где они с кавалерами кружились по паркету в платьях, похоже, позаимствованных из реквизита к «Унесенным ветром», а потом исчезали «попудрить носик» с целью обрушить друг на друга град всяких колкостей.

Наконец я начала понимать, что миловидная девушка останется с героем-футболистом, а сексуальная особа – ни с кем, поскольку парню по имени Джиль всегда хотелось иметь любовницу, а не жену, и теперь он собирался в Европу с билетом только для себя.

В этот момент меня охватило странное ощущение. Я оглянулась на ряды сосредоточенных на действии лиц, озаренных одинаковым серебристым сиянием спереди и погруженных в одинаковую темноту сзади, и они показались мне какими-то тупыми лунатиками.

Меня охватил жуткий страх, что меня вот-вот вырвет. Я не знаю, от чего у меня разболелся живот: от этой дурацкой картины или от икры, которую я съела на приеме.

– Я возвращаюсь в гостиницу, – прошептала я Бетси сквозь полумрак.

Бетси с необычайной сосредоточенностью пристально смотрела на экран.

– Тебе нехорошо? – шепотом спросила она, едва шевеля губами.

– Да, – ответила я. – Мне ужас как плохо.

– Мне тоже. Я с тобой.

Мы выскользнули из кресел и с бесконечными «простите-извините» прошли вдоль ряда, а люди ворчали и шипели на нас, шурша калошами и зонтами, чтобы дать нам пройти. Я наступила на все ноги, на какие только могла, поскольку это отвлекало меня от страшного позыва на рвоту, который охватывал меня так быстро, что у меня темнело в глазах.

Когда мы вышли на улицу, дождь уже кончался. Бетси выглядела ужасающе. Румянец сполз у нее со щек, и ее внезапно осунувшееся лицо, позеленевшее и покрытое потом, плыло у меня перед глазами. Мы буквально рухнули в одно из желтых такси с шашечками, которые всегда ждут у тротуара, когда ты решаешь, нужно тебе такси или нет, и, пока доехали до гостиницы, меня вырвало один раз, а Бетси – два.

Таксист закладывал повороты с такой лихостью, что нас на заднем сиденье швыряло из стороны в сторону. Каждый раз, когда кого-то из нас тошнило, одна тихонько наклонялась вперед, словно что-то уронила и пытается поднять это с пола, другая же принималась мурлыкать какую-нибудь мелодию, делая вид, что смотрит в окно.

Но даже при такой «маскировке» шофер, похоже, догадался, чем мы там занимаемся.

– Эй, – возмутился он, проскакивая на красный, – моя машина не для этого, вылезайте и делайте на улице, что захотите!

Но мы ничего не ответили, и, по-моему, он догадался, что мы почти у гостиницы, так что не стал нас выгонять, пока мы не затормозили у главного входа.

Мы решили не ждать, пока таксист накрутит нам плату за ущерб, сунули ему в руку пригоршню серебряных монет, бросили на пол пару салфеток, чтобы прикрыть безобразие, вбежали в вестибюль и рванулись к пустому лифту. К счастью для нас, в это время в отеле стояло затишье. В лифте Бетси вырвало еще раз, и я придерживала ее голову, а когда вырвало меня, она придерживала мою.

Обычно после того, как тебя хорошенько прочистит, ты сразу же чувствуешь себя лучше. Мы обнялись, попрощались и разошлись в разные концы коридора, чтобы прилечь каждая у себя в номере. Нет лучше способа с кем-то подружиться, как вместе проблеяться.

Но едва я закрыла за собой дверь, разделась и доползла до кровати, как мне сделалось совсем худо. Мне приспичило в туалет. Я с трудом натянула белый халатик с голубыми васильками и нетвердыми шагами добралась до туалета.

Там уже была Бетси. Через дверь я слышала ее стоны, так что быстренько завернула за угол и поплелась к туалету в другом крыле. Мне казалось, что по дороге я отдам концы – так до него было далеко.

Я села на унитаз, свесила голову через край раковины и подумала, что у меня вынесет все кишки вместе с обедом. Тошнота накатывала гигантскими волнами. После каждого приступа она ослабевала, я обмякала, как мокрый лист, и меня бросало в дрожь. Затем волна вздымалась снова, и блестящий белый кафель, словно в пыточной камере, у меня под ногами, над головой и вокруг меня, казалось, смыкался, чтобы вот-вот раздавить меня в лепешку.

Не помню, сколько я там просидела. Я открыла холодную воду, вытащила затычку, и вода с громким шумом устремилась вниз, так что любой проходивший мимо подумал бы, что я стираю одежду. Чуть позже, ощутив себя в относительной безопасности, я растянулась на полу и замерла.

Казалось, лето внезапно закончилось. Я чувствовала, что от зимней стужи у меня трясутся кости и стучат зубы, а большое белое гостиничное полотенце, которое я подложила под голову, представлялось мне твердым и холодным, как сугроб.

По-моему, в высшей степени невоспитанно колотить в дверь туалета, как это делал кто-то в коридоре. Можно ведь завернуть за угол и найти другой туалет, последовав моему примеру, а меня оставить в покое. Но в дверь по-прежнему молотили, умоляя меня открыть ее. Мне казалось, я смутно различила голос. Очень похоже, что стучалась Эмили Энн Оффенбах.

– Минуточку, – выдавила я. Язык у меня еле ворочался, как будто я набрала полный рот патоки.

Я сосредоточилась, собрав в кулак все силы, медленно поднялась, в десятый раз спустила воду в унитазе, вытерла раковину и свернула полотенце так, чтобы пятна от рвоты не очень бросались в глаза. После чего открыла дверь и шагнула в коридор.

Я знала, что будет смерти подобно взглянуть на Эмили Энн или еще кого-то, так что уставилась остекленевшим взглядом в окно, расплывавшееся в конце коридора, и выставила вперед одну ногу.

Следующим, что я увидела, оказался чей-то ботинок.

Это был добротный сделанный ботинок из черной кожи, уже потрескавшейся, довольно старый, с дырочками для вентиляции, ракушечным узором отходившими от мыска, начищенный матовым кремом и носком указывающий на меня. Похоже, он стоял на жесткой зеленой поверхности, больно царапавшей мою правую щеку.

Я лежала очень тихо в ожидании какой-нибудь зацепки, которая подскажет, что делать дальше. Чуть левее ботинка я заметила какую-то кучку васильков на белом фоне и чуть не расплакалась. Я смотрела на рукав своего халатика, которого касалась моя левая рука, бледная, как мороженная треска.

– Ей уже лучше.

Голос раздался из прохладного и разумного пространства у меня над головой. На какое-то мгновение я не заметила в нем ничего странного, но потом поняла, что звучал он странно. Это был мужской голос, а мужчинам в нашу гостиницу вход был воспрещен в любое время дня и ночи.

– Сколько их там еще? – продолжил голос.

– Кажется, одиннадцать, – ответил женский голос. Я подумала, что он, наверное, принадлежит обладательнице черного ботинка. – По-моему, еще одиннадцать, но одной не хватает, так что всего десять.

– Ладно, уложите эту в постель, а я займусь остальными.

В моем правом ухе раздалось удаляющееся «бум-бум-бум». Потом где-то вдалеке открылась дверь, послышались голоса и стоны, и дверь захлопнулась. Чьи-то руки подхватили меня под мышки, и женский голос произнес:

– Давай, давай, милая, встанем и пойдем.

Я почувствовала, как меня подняли на ноги, и мимо меня медленно, одна за другой, стали проплывать двери, пока мы не подошли к открытой двери и не вошли внутрь.

Одеяло на моей кровати было откинута, и женщина помогла мне улечься, укрыла меня до подбородка и на несколько мгновений присела отдохнуть в стоявшее рядом с кроватью кресло, обмахиваясь пухлой розовой ладонью. На ней были очки в позолоченной оправе и белая медицинская шапочка.

– Кто вы? – спросила я заплетающимся языком.

– Я здешняя медсестра.

– Что со мной?

– Отравилась, – коротко ответила она. – Вы все отравились. Никогда такого не видела. Там тошнит, тут тошнит, чего это вы, девушки, в себя напихали?

– И все остальные тоже заболели? – с какой-то надеждой спросила я.

– Все до единой, – довольным голосом подтвердила она. – Раскисли, как щенки, и маму зовете.

Комната парила надо мной с необычайной легкостью, словно стулья, столы и стены перестали на меня давить из сострадания перед моей внезапной беззащитностью.

– Доктор сделал тебе укол, – сказала медсестра уже на пороге. – Сейчас ты поспишь.

Ее фигура, словно листом белой бумаги, сменилась дверью, а потом сама дверь сменилась еще большим листом бумаги, я медленно поплыла к нему и заснула с улыбкой на губах.

У моей подушки кто-то стоял, держа в руке белую чашку.

– Выпей-ка, – услышала я.

Я покачала головой. Подушка затрещала, словно набитая соломой.

– Выпей, и тебе полегчает.

Белая фарфоровая чашка с толстыми стенками опустилась к моему носу. В тусклом свете то ли заката, то ли рассвета я рассмотрела прозрачную жидкость янтарного цвета. Сверху плавали капельки жира, и мои ноздри уловили слабый запах вареной курятины.

Я осторожно перевела взгляд на видневшуюся за чашкой юбку.

– Бетси, – выдавила я из себя.

– Какая там Бетси, это я.

Я подняла взгляд и увидела голову Дорин, смутно видневшуюся на фоне белесого окна. По краям ее белокурые волосы светились, словно золотой нимб. Лицо ее скрывала тень, так что я не смогла разглядеть его выражения, однако чувствовала, что кончики ее пальцев буквально лучились нежностью. Она могла быть Бетси, моей мамой или пахнущей папоротником медсестрой.

Я наклонила голову и отхлебнула глоток бульона. Мне показалось, что рот у меня забит сухим песком. Я сделала еще глоток, потом еще и еще, пока чашка не опустела.

Я почувствовала себя очищенной, обновленной и готовой к новой жизни.

Дорин поставила чашку на подоконник и села в кресло. Я заметила, что она не потянулась за сигаретами, и удивилась этому, поскольку она смолила одну за другой.

– Ну что, ты чуть не умерла, – наконец произнесла она.

– По-моему, это икра виновата.

– Какая там икра! Это все из-за крабов. Они взяли пробы на анализ, а те просто кишели птомаином.

Я представила себе уходящие за горизонт ряды хирургически белых кухонь в «Дамском дне». Я видела полчища авокадо, фаршируемые крабовым мясом под майонезом и фотографируемые под яркими лампами. Я видела нежное, с розовыми прожилками мясо, соблазнительно просвечивающее сквозь слой майонеза и бледно-желтую половинку авокадо с ободком цвета кожи крокодила, куда помещалась вся смесь.

Отрава.

– А кто делал анализы?

Я подумала, что врач, наверное, промыл кому-нибудь желудок, а потом исследовал содержимое в лаборатории гостиницы.

– Эти уроды из «Дамского дня». Как только все вы начали тут валиться, как кегли, кто-то позвонил в офис, а оттуда позвонили в «Дамский день». Те взяли на анализ пробы всего, что осталось от званого обеда. Ха-ха!

– Ха-ха! – глухо отозвалась я. Как же здорово, что Дорин снова здесь.

– Они прислали подарки, – добавила она. – В коридоре их целая огромная коробка.

– А как они успели так быстро?

– Особая экспресс-доставка, а ты как думала? Они не могут себе позволить, чтобы все вы тут бегали и орали, что отравились в «Дамском дне». Вы же можете засудить их так, что они останутся голыми, если сумеете найти толкового адвоката.

– А что за подарки? – Я начала думать, что, если подарок мне понравится, я не стану поднимать шума, потому что в конечном-то счете все обошлось.

– Коробку еще не открывали, потому что все так и лежат пластом. Я должна разнести всем бульон, потому что я – единственная, кто стоит на ногах, но начала я с тебя.

– Посмотри, что там за подарки, – взмолилась я. Потом вспомнила и добавила: – У меня для тебя тоже есть подарок.

Дорин вышла в коридор. Я слышала, как она чем-то шуршала, а потом раздался звук разрываемой бумаги. Наконец она вернулась с толстой книгой в глянцевой обложке, исписанной чьими-то именами.

– «Тридцать лучших рассказов года». – Дорин бросила книгу мне на колени. – Там в коробке таких еще одиннадцать штук. По-моему, они считают, что надо дать вам что-то почитать, пока вы болеете. – Она умолкла. – А где мой подарок?

Я порылась у себя в сумочке и протянула Дорин зеркальце с ее именем и маргаритками. Мы с ней переглянулись и расхохотались.

– Можешь выпить мой бульон, если хочешь, – сказала она. – Они по ошибке поставили на тележку двенадцать чашек, а мы с Ленни так наелись сосисок, пока пережидали дождь, что мне ничего в рот не лезет.

– Давай его сюда, – ответила я. – Есть охота – прямо сил нет.

Глава пятая

На следующее утро в семь часов зазвонил телефон.

Я медленно вынырнула из темной пучины сна. Под рамкой зеркала уже висела телефонограмма от Джей Си, в которой говорилось, что на работу мне можно не являться, что нужно денек хорошенько отдохнуть, чтобы полностью поправиться, а также выражались соболезнования по поводу крабов. Так что я представить себе не могла, кто бы это звонил.

Я протянула руку и перетащила трубку на подушку так, что микрофон оказался у меня на ключице, а наушник – на плече.

– Аллю?

– Это мисс Эстер Гринвуд? – осведомился мужской голос. По-моему, мне слышался иностранный акцент.

– Конечно, да, – ответила я.

– Это Константин Такой-то.

Я не разобрала его фамилию, но она изобиловала звуками «с» и «к». Я не знала никакого Константина, но у меня не хватило духа признаться в этом.

И тут я вспомнила миссис Уиллард и ее переводчика-синхрониста.

– Конечно, конечно! – воскликнула я, рывком садясь на постели и прижимая трубку к уху обеими руками.

Я никогда не давала миссис Уиллард полномочий знакомить меня с мужчиной по имени Константин. Я коллекционировала мужчин с интересными именами. Я уже была знакома с Сократом. Это был высокий, страшный на лицо интеллектual, к тому же сын какого-то крупного голливудского продюсера греческого происхождения. Еще он был католиком, что не оставляло нам ни малейшего шанса. В дополнение к Сократу я знала потомка русских бело-гвардейцев по имени Аттила из Бостонской школы бизнес-администрирования.

Постепенно я поняла, что Константин пытается пригласить меня на свидание днем или вечером.

– Вам бы хотелось посмотреть ООН сегодня днем?

– Я уже и так смотрю на ООН, – ответила я с легким истерическим хихиканьем.

Казалось, он находился в полном замешательстве.

– Я вижу здание из окна. – Мне подумалось, что для него я слишком быстро говорю по-английски.

Молчание. Затем он произнес:

– Возможно, потом мы где-нибудь перекусим.

Я засекла словечко из обихода миссис Уиллард, и у меня упало сердце. Миссис Уиллард всегда приглашала «перекусить». Я вспомнила, что этот мужчина гостил в доме миссис Уиллард, когда впервые приехал в Америку: она участвовала в одной из программ обмена, когда ты принимаешь у себя иностранцев, а если отправляешься в их страну, то они принимают тебя.

Теперь я совершенно четко поняла, что миссис Уиллард поменяла свой прием в России на мой «перекус» в Нью-Йорке.

– Да, я не против перекусить, – ответила я деревянным голосом. – Во сколько вы приедете?

– Я заеду за вами около двух. Вы ведь живете в «Амазоне»?

– Да.

– Ну, я знаю, где это.

На мгновение мне показалось, что в его словах скрыт какой-то особый смысл. Потом я подумала, что, возможно, некоторые из живших в «Амазоне» девушек работали секретаршами

в ООН и он, наверное, в свое время приглашал их на свидания. Я дождалась, пока он повесит трубку, потом повесила свою и откинулась на подушки. Мне стало грустно.

Вот опять я строила радужную картину: мужчина страстно влюбится в меня с первого взгляда, и все это складывалось из прозаической мишуры. Дежурная экскурсия по ООН, а потом сэндвич!

Я пыталась поднять свой моральный дух. Возможно, этот переводчик-синхронист миссис Уиллард окажется уродливым коротышкой, и в конечном итоге я стану смотреть на него сверху вниз, как смотрела на Бадди Уилларда. От этой мысли мне немного полегчало. Ведь я действительно смотрела на Бадди Уилларда сверху вниз, и хотя все до сих пор считали, что я выйду за него замуж, когда он выпишется из санатория для туберкулезников, я точно знала, что никогда не выйду за него, даже если, кроме него, на Земле никого не останется.

Бадди Уиллард был лицемером. Конечно же, сначала я этого не знала. Мне казалось, что он самый прекрасный из всех парней, которых я знала. Я обожала его на расстоянии целых пять лет, прежде чем он взглянул на меня, а потом настало дивное время, когда я все еще обожала его, а он начал поглядывать на меня. А затем, когда он все больше заглядывался на меня, я по чистой случайности обнаружила, какой же он жуткий лицемер. Теперь же он хотел, чтобы я вышла за него, а я его ненавидела всей душой.

Самое плохое заключалось в том, что я не могла высказать ему в глаза все, что о нем думаю, поскольку он подхватил туберкулез прежде, чем я на это решилась. Так что теперь мне приходилось потакать ему, пока он не поправится и не сможет воспринять неприкрытую правду.

Я решила не спускаться на завтрак. Это значило, что пришлось бы одеваться, а что толку одеваться, если я решила все утро проваляться в постели? Я могла бы позвонить и заказать завтрак в номер, но тогда пришлось бы давать принесшему его на чай, а я всегда путалась, сколько давать чаевых. В Нью-Йорке с чаевыми я несколько раз попадала в неприятные ситуации.

Когда я только приехала в «Амазон», лысый карлик в униформе коридорного поднял мой чемодан в лифте, донес до номера и открыл мне дверь. Я, конечно же, сразу ринулась к окну, чтобы посмотреть, какой из него открывается вид. Через какое-то время я обнаружила, что этот коридорный открывает краны горячей и холодной воды со словами «Это горячая, а вот это холодная», включает радио и перечисляет мне названия всех нью-йоркских вокзалов. Мне сделалось не по себе, я повернулась к нему спиной и твердым голосом произнесла:

– Спасибо, что донесли мой чемодан.

– Спасибо, спасибо, спасибо, ха-ха! – отозвался он каким-то издевательским тоном, и не успела я обернуться, чтобы посмотреть, что это на него нашло, как он вылетел вон, с треском саданув дверью.

Чуть позже, когда я рассказала Дорин о его странном поведении, та усмехнулась:

– Дурочка, он дожидался чаевых.

Я спросила, сколько надо было ему дать. Она ответила, что как минимум четвертак или даже тридцать пять центов, если чемодан слишком тяжелый. Я бы и сама прекрасно донесла чемодан до номера, но коридорный так услужливо лебезил, что я предоставила это ему. Мне казалось, что подобный сервис включается в плату за номер.

Терпеть не могу давать людям деньги за то, что могла бы сделать сама, меня это бесит.

Дорин говорила, что нужно давать на чай десять процентов от стоимости услуги, но у меня почему-то никогда не оказывалось нужной мелочи, и я бы ощущала себя ужасной дурой, давая кому-нибудь полдоллара и говоря: «Вам на чай пятнадцать центов, так что, пожалуйста, дайте мне тридцать пять сдачи».

В первый раз, когда я взяла такси в Нью-Йорке, я дала водителю на чай десять центов. На счетчике выскочил доллар, так что я решила, что десять центов – в самый раз, и подала их шоферу с лучезарной улыбкой. Однако он лишь держал монету на ладони и все пялился на

нее, а когда я вышла из такси, надеясь, что по ошибке не дала ему канадский десятицентовик, дико заорал: «Мадам, мне тоже жить нужно, как вам и остальным!» Я испугалась и бросилась бежать. К счастью, он застрял на светофоре, а иначе, наверное, так бы и ехал за мной, надрывая плотку.

Когда я рассказала об этом происшествии Дорин, та ответила, что размер чаевых вполне мог вырасти с десяти до пятнадцати процентов с тех пор, когда она в последний раз была в Нью-Йорке. Или так, или же этот таксист оказался законченной сволочью.

Я потянулась за книгой, которую прислали из «Дамского дня». Когда я ее раскрыла, оттуда выпала открытка. На лицевой стороне оказалось изображение пуделя в цветастой собачьей пижамке, грустно сидевшего в корзинке, а на обороте пудель уже крепко спал в своей корзинке с улыбкой на мордочке. Вверху красовалась надпись витиеватым шрифтом: «Крепкий сон – все болезни вон». Внизу кто-то лиловыми чернилами приписал: «Быстрее поправляйся! Твои добрые друзья из «Дамского дня».

Я пролистала книгу, пока наконец не наткнулась на рассказ о смоковнице.

Эта смоковница росла на зеленом лугу между домом, где жил иудей, и монастырем. Этот иудей и красивая темноволосая монахиня встречались у дерева, чтобы собирать спелые смоквы, и однажды увидели, как в гнезде на одной из ветвей птица высиживает яйцо. И когда они смотрели, как из яйца вылупляется птенец, они коснулись друг друга руками. А потом монахиня перестала приходить собирать смоквы вместе с иудеем, а вместо нее стала являться кухарка-католичка со злым лицом, которая в конце сбора пересчитывала собранные иудеем смоквы и следила, чтобы у него их не оказалось больше, чем у нее, отчего тот очень сердился.

Мне этот рассказ показался просто прекрасным, особенно та часть, где говорилось о смоковнице зимой, засыпанной снегом, и весной – в зелени и спеющих плодах. Мне стало грустно, когда я дошла до последней страницы, и захотелось заползти между черными строчками, как подползаешь под забор, и уснуть под прекрасной зеленой раскидистой смоковницей.

Мне показалось, что мы с Бадди Уиллардом чем-то напоминали тех монахиню и иудея, хотя, разумеется, не были ни иудеями, ни католиками, а оба были унитаристами. Мы встречались под своей воображаемой смоковницей, и видели не то, как из яйца появляется птенец, а то, как из лона женщины появляется младенец, после чего произошло нечто ужасное, и мы пошли каждый своей дорогой.

Лежа на застланной белым гостиничной кровати и чувствуя себя одинокой и слабой, я представила, что нахожусь в санатории в горах Адирондак, и ощущала себя последней сволочью. В своих письмах Бадди неустанно повторял, что читает стихотворения поэта, который к тому же был врачом, и что узнал о каком-то известном, но уже покойном русском писателе, который тоже был врачом, так что в конечном итоге медицина и литература могут вполне неплохо уживаться.

Теперь это была совсем другая песня, нежели та, которую Бадди Уиллард распевал все те два года, пока мы с ним встречались. Я помню тот день, когда он с улыбкой спросил меня:

– Эстер, а ты знаешь, что такое стихотворение?

– Нет, а что это? – поинтересовалась я.

– Частичка праха.

Он выглядел таким гордым от того, что придумал это определение, поэтому я просто уставилась на его светлые волосы, голубые глаза и белые зубы – у него были крупные, крепкие зубы – и пролепетала:

– Наверное, да.

Лишь год спустя в самом центре Нью-Йорка я наконец придумала ответ на то замечание.

Я провела массу времени за воображаемыми разговорами с Бадди Уиллардом. Он был на пару лет старше меня и очень начитан, так что всегда мог все научно доказать. Когда я была рядом с ним, мне приходилось напрягаться, чтобы «соответствовать».

Разговоры, которые я прокручивала у себя в голове, обычно повторяли начала реальных разговоров, которые я вела с Бадди, вот только кончались они тем, что я дерзила ему в ответ, вместо того чтобы сидеть рядышком и лепетать:

– Наверное, да.

Теперь, лежа на спине в кровати, я представила, как Бадди спрашивает:

– Эстер, а ты знаешь, что такое стихотворение?

– Нет, а что это? – поинтересовалась бы я.

– Частичка праха.

И в тот самый момент, когда он начнет улыбаться и гордиться собой, я бы ответила:

– Трупы, которые ты вскрываешь, – тоже частички праха. И люди, которых, как тебе кажется, ты лечишь. Они всего лишь прах и ничего, кроме праха. По-моему, хорошее стихотворение живет куда дольше, нежели сотня таких людей, вместе взятых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.